

JEZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

DOI: 10.31648/an.7797

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАСТИЛИСТИКИ. ЧАСТЬ 2

THEORETICAL PROBLEMS OF PRAGMASTYLISTICS. PART 2

Aleksander Kiklewicz

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie / University of Warmia and Mazury in Olsztyn

e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Keywords: stylistics, functional stylistics, functional style, pragmatics, pragmastylistics, Russian language

Abstract: The author presents the theoretical basis for linguistic research, the subject of which is the interaction of two disciplines: stylistics and pragmatics. In the first part of the article, a brief overview of the history and problem fields of both disciplines is presented, emphasizing the fact that each of these has its own characteristics from a conceptual and ontological point of view. In the second part, stylistics and pragmatics are considered in the general semiotic model as two “dimensions” of linguistic signs. In addition to the three dimensions proposed by C. Morris, i.e. syntactics, semantics and pragmatics, the author introduces stylistics as a relation (according to the principle of correspondence) of signs to their socio-cultural environment, i.e. their practical/instrumental context. The author distinguishes between two directions within the framework of pragmastylistic studies. The indicative aspect consists of the study of the pragmatic characteristics of separate styles, in other words, in the description of the style with the employment of the conceptual apparatus of pragmalinguistics (such concepts as illocutionary function, speech act, pragmatic strategy, pragmatic implication, pragmatic operator, etc.). The applicative aspect of pragmatic studies is the study of the employment of stylistic means of language (i.e. stylistically marked lexical forms and their constructions) for the implementation of different types of speech acts.

3. Аспекты прагмастилистики

Можно различать два аспекта прагмастилистических исследований. Аппликативный аспект прагмастилистики, наиболее широко представленный в публикациях российских языковедов, состоит в исследовании употребления стилистических средств языка (т.е. стилистически маркированных языковых форм и их конструкций) для реализации разных типов речевых актов и дискурсов.

Индикативный аспект состоит в исследовании прагматических характеристик отдельных стилей, другими словами – в описании стиля с применением понятийного аппарата прагмалингвистики (таких понятий, как иллокутивная функция, речевой акт, прагматическая стратегия, прагматическая импликация, прагматический оператор и др.).

3.1. Аппликативный аспект прагмастилистики

Исследования в области прагмастилистики были, главным образом, стимулированы интересом ученых к тому, какую функциональную нагрузку несут стилистически маркированные элементы в речи. То, что они закреплены за соответствующим практическим контекстом, представляет план их содержания. Однако стилевые элементы функционируют и в плане выражения сообщения: они намеренно используются говорящим для выражения тех или иных перформативных целей (см. рис. 4). В связи с этим Л.С. Пихтовникова пишет: «Стилистические средства выбираются для реализации определенных прагматических заданий текста, т.е. каждый стилистический аспект текста обязательно имеет прагматическую цель» [2016, 116].

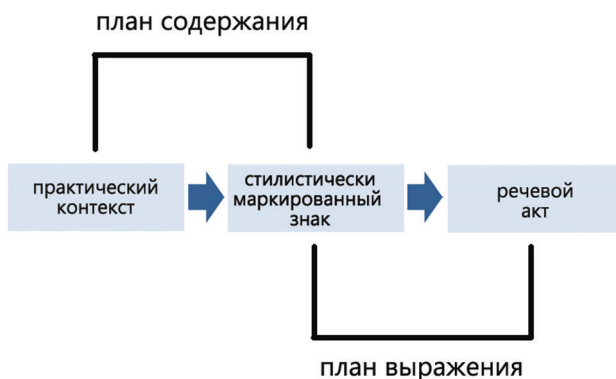

Рис. 4. Стилистическая характеристика знака: план содержания и план выражения

При таком подходе учитываются два элемента: прагматический, т.е. иллокутивная функция сообщения, и стилистический, т.е. стилистически маркированные языковые формы и конструкции, указывающие на перформативную интенцию говорящего. Поскольку эти стилистически маркированные элементы относятся к плану выражения семантической функции текста (к его ассертивной части), У. Фикс [Fix 2007, 401] указывает, что их прагматическая нагрузка имеет вторичный, дополнительный характер. Прагматическую функцию стилизованных элементов немецкая исследовательница определяет как *Beziehungsgestaltung*, что равнозначно конфигурации социальных отношений коммуникативных партнеров. Например, в институциональной коммуникации, по мнению Фикс, выбор стилизованных элементов может указывать на социальную установку одного партнера по отношению к другому. За этим выбором стоят также соответствующие коммуникативные интенции и речевые акты.

Апplikативный характер функционирования стилизованных языковых элементов удобно показать на примере эстетических речевых. Оформление речевого акта может осуществляться по одному из двух принципов: дискретному или континуальному. В первом случае для выражения иллокутивной функции сообщения употребляются специальные прагматические операторы, как наиболее типичные – перформативные глаголы в форме 1-го лица (*приказываю, прошу, констатирую, приветствую* и др.). Во втором случае выражению иллокутивной функции служат языковые формы, основное предназначение которых состоит в выражении семантической информации, т.е. как бы имеющие «продленное действие». К таким формам относятся и стилистические характеристики языковых единиц.

Особенность эстетических речевых актов состоит в стимулирующем воздействии на адресата, а именно – на его эмоциональное состояние, в связи с чем употребление специальных перформативных операторов (типа *получай наслаждение*) не представляется возможным. Поэтому эстетическое воздействие реализуется, главным образом, за счет внутренних, ассертивных ресурсов сообщения: стилистически маркированных поэтизмов, а прежде всего специфической структурной организации текста (например, ритмизации). Неслучайно современная прагматистика имеет много общего с литературной прагматикой, которая занимается прагматическими аспектами художественных текстов, в частности, прагматическими функциями поэтических фигур [Pratt 1977; Petrey 1990; Pilkington 2000; Mey 2001; Feng 2002; Black 2006]. При этом важно, что стилистически маркированные художественные средства востребованы в соответствии с прагматической интенцией говорящего (а не какого-либо практического контекста) и необязательно ограничены рамками какого-либо литературного жанра. Эстетические речевые акты, например, массово представлены в разговорной речи. В качестве примера я приведу фрагмент из рассказа Шамиля Идиатуллина *Кареглазый Грозовик*:

- (1) Данька зашнуровался и понял, что деваться некуда. Он (...) хотел сказать красиво, хотел сказать длинно и в рифму.

Как видим, говорящий отдает себе отчет в своем намерении сказать красиво, а также в том, что такой эффект может быть достигнут благодаря особой организации сообщения (*сказать длинно и в рифму*).

К числу такого рода вторичных операторов иллокутивной функции относятся заимствованные, в том числе модные слова. Их эстетическое воздействие может усиливаться, если лексическое значение неизвестно адресату и его внимание фокусировано на экзотической и изящной фонетической форме. Примером может послужить фрагмент из журнального интервью:

- (2) Есть разные способы, как это сделать, наращивать свою, я бы сказал возвышенно, дискурсивную способность¹.

В данном случае эстетический потенциал заключен в словосочетании *дискурсивная способность*, имеющем явную книжную окраску. Употребление модных слов, а также единиц так называемого высокого стиля может также служить реализации другой прагматической функции – автопрезентации говорящего. Такой речевой стиль определяется как манерный, хотя употребляются и другие термины, например, языковой снобизм [Kiklewicz 2020, 239 и др.].

Прагматический потенциал несет в себе не только поэтизмы, но и другие стилевые элементы, причем, относящиеся как к высокому стилю (т.е. книжные), так и к низкому стилю (т.е. просторечные и жаргонные). Так, одним из способов выражения социального доминирования, в частности, в случае директивных речевых актов, по мнению Я. Василевского [Wasilewski 2006, 129] является употребление элементов низкого стиля: тем самым «владелец территории» как бы подтверждает свое особое право использовать знаковые средства по своему усмотрению (как бы распоряжаться ими). Так ведет себя в служебном разговоре с подчиненными полковник милиции Виктор Алексеевич Гордеев, герой повести Александры Марининой «Стечение обстоятельств»:

- (3) С этими словами Виктор Алексеевич встал из-за массивного начальственного стола и стал разгуливать по кабинету. Он не мог долго находиться в неподвижности. Настя вышла из угла, в котором молча просидела все совещание, пересела в кресло у окна.
– Синдром Раскольникова – твоя работа? – Колобок на мгновение прервал ходьбу, исподлобья взглянув на Каменскую.
– Моя, – тихо подтвердила Настя. – Вы недовольны?
– А Шумилин – тоже твоя работа? – начальник проигнорировал ее вопрос, хотя прекрасно знал, как важно Насте услышать от него хоть слово одобрения.

¹ <http://echoperm.ru/efir/309/93280/> (доступ: 19.8.2021).

- Тоже моя, – голос Каменской дрогнул.
- А фигуранта по делу манекенщицы почему выдерживают в собственном соку? Ты посоветовала?
- Виктор Алексеевич, я полагала, что...
- Знаю, – оборвал ее Гордеев. – Ты мне говорила. У меня пока нет склероза.

Хотя разговор имеет официальный или полуофициальный характер, полковник употребляет стилистически сниженные выражения: *(это) твоя работа, выдерживают в собственном соку*.

Употребление стилистически сниженной лексики может иметь и обратный эффект – свидетельствовать о контактноустанавливающем намерении говорящего, т.е. желании вызвать расположение адресата. Один из таких примеров мы находим в книге Б.Ю. Нормана [1987, 174]. Автор обратил внимание на реплику героя фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино» – учителя Платонова. Несмотря на то, что Платонов хорошо владеет литературной нормой, в одной из сцен фильма он произносит:

- (4) Студент ходил на станцию, пил там, встречал поезда, опять пил, а потом успокоился, одумался и стал обыкновенным *шалавеком*.

Норман объясняет такое «фонетическое балагурство» (т.е. намеренное отклонение от нормы) желанием говорящего «снять напряжение с коммуникативной ситуации».

Существуют типы речевого поведения, в которых говорящий намеренно использует смешение стилей. Это, например, наблюдается во многих текстах современной, особенно популярной журналистики (в так называемом «бульварном дискурсе»): наряду с элементами литературного языка достаточно регулярно выступают разговорные и даже просторечные, жаргонные элементы. Данный прием служит стимулирующему воздействию на адресатов: его прагматическая функция заключается в привлечении внимания и фасцинации, хотя в некоторых ситуациях он может вызывать и комический, иронический эффект, о чем в связи с явлением стеба в современной журналистике пишет А.А. Евграфова [Евграфова 2009, 43 и др.].

Речевой акт, в котором имеются стилистически маркированные элементы, не соответствующие коммуникативной ситуации², является основанием для симптоматических импликаций, указывающих на эмоциональную или компетентивную дисфункциональность говорящего. Такие импликации генерируются получателем сообщения независимо от воли говорящего и часто вопреки его желанию. В качестве примера

² Они квалифицируются как иностилевые.

можно привести начало известного рассказа Михаила Задорнова *Чего хотят, то и делают*:

- (5) Новый директор был суров. Так говорили все. В первый же день он вызвал меня к себе и, прямо глядя в глаза, спросил:
– Вы там, в вашем отделе, перевыполнить план на 150% можете или не можете?
Я замялся. Дело не в том, что нам было трудно перевыполнить наш план. Мы могли его перевыполнить и на 100, и на 300, и на 800%. Но я не знал, как мне выразить свое согласие словами. Вопрос был задан так, что отвечать на него надо было полно. Но ответить «можем» означало указать шефу на его безграмотность. А ответить «могём» у меня на поворачивался язык.
– Ну что же вы молчите? – строго переспросил шел. – Можете или не можете?
– Да! – ответил я.
– Что да? – рассердился он. – Я вас конкретно спрашиваю, и вы конкретно отвечайте: можете или не можете?
– Конечно! – ответил я.
– Что значит конечно? – чуть не закричал он. – Отвечайте прямо, не виляйте! В последний раз спрашиваю... Можете или не можете?
Я собрался с духом и уверенно ответил:
– Могём!

Ситуация, в которой оказываются собеседники, не дает оснований подчиненному считать, что выражение *Можете или не можете* в речи начальника употреблено намеренно, например, с целью выражения сочувствия или создания более приветливой обстановки общения. Тем самым появляется основание для вывода, что начальник безграмотен.

В публикациях российских ученых прагматилистика понимается преимущественно как дисциплина, изучающая «коммуникативную эффективность интерпретации текста с учетом языкового и речевого варьирования стилистических средств на всех уровнях структуры текста» [Максименко 2015, 6]. Из краткого обзора публикаций [Кострова, Антонова 2004; Мкртычян 2011; Войекова 2016; Пихтовникова 2016; Носовец 2018 и др.³] можно сделать вывод, что ученые, главным образом, изучают языковые (фонетические, лексические, морфологические и синтаксические) особенности текстов определенного типа (журналистских, рекламных, сетевых и т.д.). Такого рода исследования, несмотря на наличие в их названии или в списке ключевых слов существительного *прагматилистика* или прилагательного *прагматилистический*, относятся, скорее, к области стилистики жанра.

³ Особняком стоит работа М.В. Щербаковой [2013], в которой исследуется влияние функционального стиля текста на его семантическое восприятие (исследовательница констатирует отсутствие связи между первым и вторым).

Во-первых, в таких исследованиях не конкретизирован прагматический элемент, а именно – прагматическая функция сообщений и тот эффект, который заложен в употреблении определенных стиливых элементов. Во-вторых, недостаточно определен стилистический статус изучаемых языковых средств, т.е. их принадлежность к тому или иному стилю. Это характерно также для англо-американской традиции стилистических и прагматилистических исследований, которая основана на трактовке стиля как одной из альтернативных форм выражения смысла:

Roughly speaking, two utterances in the same language which convey approximately the same information, but which are different in their linguistic structure, can be said to differ in style [Hockett 1958, 556]. «Грубо говоря, можно утверждать, что два высказывания на одном языке, которые передают примерно одинаковую информацию, но различаются по своей языковой структуре, отличаются по стилю» (перевод мой. – А.К.).

Как видим, в определении Ч. Хоккета отсутствует ссылка на социальную область приложения альтернативных языковых форм, которая в славянской лингвистической традиции считается важнейшим признаком каждого стиля. Так, Л. Хикей [Hickey 1993, 582] в качестве релевантных стиливых элементов рассматривает формы придаточных относительных предложений с союзами и союзными словами *whose, which, whom, that*:

- (6) There are certain difficulties whose existence we cannot ignore.
[официальная форма]
There are certain difficulties that we cannot ignore their existence.
[неофициальная, разговорная форма]
'Есть определенные трудности, существование которых мы не можем игнорировать'
- (7) This is the man to whom they gave the prize.
[официальная форма]
This is the man that they gave him the prize
[неофициальная, разговорная форма]
'Это человек, которому они вручили приз'

Комментарии, которые даются к этим языковым фактам, кажутся лишенными прагматического содержания. Так, британский ученый пишет, что разговорные формы с союзом *that* регулярно употребляются в устной речи. Кроме того он рассуждает о тема-рематической структуре приведенных высказываний, констатируя, что альтернативные синтаксические формы отражают ее с разной степенью дискретности. Трудно однако понять прагматический смысл этой оппозиции, а также ее отношение к тому, что Хикей определяет как «прагматическую структуру сообщения» (англ. *pragmatic structure of the sentence*).

3.2. Индикативный аспект прагмастилистики

Прагматические особенности речевого поведения в разных сферах деятельности прежде всего касаются речевых актов. В большей степени это характерно для стиля устного общения (не только обыденного, но и профессионального, официального), т.е. стиля конversations.

Отчасти данная проблематика присутствует в исследованиях речевого этикета, однако их предметом обычно являются характерные для той или иной сферы общения формы речевых действий (приветствия, прощания, извинения и т.д.), тогда с точки зрения прагмастилистики важны типы речевых действий и их перформативное содержание.

В разделе 2 уже упоминались некоторые прагматические особенности функциональных стилей. Так, в научных текстах выступают информирующие речевые акты (репрезентативы), в том числе модального характера (*Мы считаем, что проблема ...*) – напротив, научному стилю в целом чужды директивные, вопросительные или экскламативные акты. Для стиля научной коммуникации характерны также аргументативы, т.е. обоснования утверждений. Так, предложение из монографии по алгебре:

- (8) Поскольку композиция $f * g$ двух преобразований $f : A \rightarrow A$ и $g : A \rightarrow A$ снова является преобразованием множества A , отображение $*$: $S^2 \rightarrow S$, ставящее в соответствие паре преобразований их композицию, можно рассматривать как естественную алгебраическую операцию на множестве S^4 .

состоит из двух частей. Главная часть (*Отображение ... можно рассматривать ...*) представляет собой модальный экспозитив — выражение мнения, а придаточная часть (*Поскольку композиция ...*) – аргументатив.

Тексты официально-делового стиля, напротив, имеют «долженствующе-предписующий характер» [Кожин, Крылова, Одинцов 1982, 104], здесь доминируют речевые акты директивного и декларативного типа. В таблице 1 представлена общая характеристика некоторых функциональных стилей с точки зрения характерных для них и не характерных речевых актов.

Таблица 1. Прагматическая характеристика функциональных стилей

функциональный стиль	речевые акты	
	употребляются часто	употребляются редко
1	2	3
разговорно-обиходный	репрезентатив, директив, вопрос, экспрессив, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив, суггестив	декларатив

⁴ http://math.nsc.ru/~vasand/Lectures/algebra_small.pdf (доступ: 19.8.2021).

1	2	3
научный	репрезентатив, декларатив	директив, вопрос, экспрессив, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив
официально-деловой	репрезентатив, директив, декларатив	вопрос, экспрессив, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив
риторический	репрезентатив, экспрессив, вокатив, сатисфактив, суггестив	директив, вопрос, комиссив, ретрактив, декларатив
художественный ⁵	репрезентатив, экспрессив, суггестив	директив, декларатив, вопрос, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив
публицистический	репрезентатив, суггестив	директив, декларатив, вопрос, экспрессив, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив
рекламы и промоушн	репрезентатив, директив, комиссив, экспрессив	директив, декларатив, вопрос, вокатив, комиссив, ретрактив, сатисфактив

Можно сделать вывод, что наиболее универсальным с точки зрения стилевой маркированности является репрезентативный речевой акт, который представлен во всех стилях. Наоборот, наиболее стилезависимыми являются вопросительные, вокативные, ретрактивные и сатисфактивные речевые акты – они реализуются в рамках разговорно-обиходного и, реже, риторического стиля.

Прагматически маркированы также частные функциональные стили (или подстили). Многие из них формируются в рамках типовых ситуаций – таких, как непринужденная беседа, прием у врача, разговор с чиновником государственного учреждения, разговор с начальником, семейный разговор, ссора, инструктаж и т.д. Каждой из таких ситуаций соответствует определенный разговорный стиль [подробнее об этом понятии см.: Hall 1992; Tannen 1984; Bennet 2018 и др.]. Так, в книге [Faber, Mazlish 2013, 87] описываются разговорные стили бытового общения с участием взрослых и детей. К наиболее частым в речевом поведении взрослых авторы относят такие речевые акты, как обвинение, обзывание, устрашение, приказ, морализаторство, предупреждение и пророчество.

Если стиль речевого поведения одного из коммуникативных партнеров не соответствует типовой ситуации, имеются основания для прагматических импликаций: они могут иметь диспозициональный характер, что было показано в разделе 3.1, или интенциональный характер, когда в действиях говорящего усматриваются скрытые намерения, обычно

⁵ Здесь учитывается прежде всего стиль художественной наррации, а не, например, стиль диалогов с участием персонажей.

неблагоприятные для коммуникативного партнера. Такой характер общения представлен в рассказе Михаила Задорнова *Обманули*:

- (9) Такси не останавливалось. Я так замерз, что готов был оплатить двойной счетчик, лишь бы меня скорее отвезли домой, в тепло. И вдруг... Словно из-под земли вынырнуло свободное такси и остановилось возле меня. Я кинулся к нему, но предложить двойной счетчик не успел, потому что из машины вышел водитель, открыл мне дверцу и сказал:
- Садитесь, пожалуйста! Замерзли, наверное?
 - Что вы сказали? – не понял я и даже слегка отпрянул.
 - Садитесь, говорю, скорее, – он мягко улыбнулся, – а я печку включу. Если вам этого будет мало дам плед – ноги закутаете.
 - Я посмотрел на машину. Огонек, шашечки... Вроде такси.
 - Но ведь мне в Чертаново! – неуверенно сказал я.
 - В Чертаново так в Чертаново! – еще мягче улыбнулся водитель. – Куда пассажирам, туда и нам. Будьте любезны!
- Насторожившись, я влез в машину.

Клиент руководствуется установкой на типовую ситуацию общения с таксистом, в которой от таксиста, скорее, ожидается грубость и бесцеремонность. Когда оказывается, что таксист нетипично вежлив, клиент настораживается – в поведении таксиста он видит подвох.

Кроме того существуют прагматические особенности речевого поведения отдельных социальных групп, обычно в рамках разговорно-обиходного функционального стиля. В последние десятилетия много внимания было уделено гендерным стилям [Pearson 1985; Tannen 1990; Nordenstam 1992]. Было отмечено, что для речевого поведения женщин более характерны экспрессивные и экскламативные, а также косвенные речевые акты. Предрасположенность женщин к непрямому способу реализации коммуникативного намерения особенно заметна в первобытных культурах. В литературе [Кларк, Карлсон 1986; Merlan 2006] можно прочитать о культивируемом женщинами некоторых австралийских племен «языке избегания», т.е. регулярном употреблении косвенных речевых актов в общении с мужчинами.

Стилистически маркированными являются также принципы речевого поведения – так называемые коммуникативные кодексы. Они описаны в разных версиях, с большей или меньшей детализацией [Lakoff 1973; Grice 1975; Schwitalla 1979; Leech 1983]. Вот некоторые из этих принципов: «Будь последователен»; «Будь вежлив»; «Соблюдай границы частных речевых интересов»; «Соблюдай равенство в диалоге» и т.д. Следование этим принципам, однако, зависит от коммуникативной ситуации и ее участников. Так, в соответствии с постулатом категории количества (в теории кооперации Г.П. Грайса) сообщение должно содержать не меньше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога [Grice 1975, 45]. Это требование не всегда выполняется в условиях бытового разговора, когда многие языковые элементы опускаются с учетом

общей для коммуникативных партнеров ситуации и общего когнитивного («жизненного») опыта. В то же время в таких стилях, как научный или официально-деловой, требуется максимально полная, а иногда и редуцированная экспликация смысла. В связи с этим можно привести пример из книги Б.С. Мучника [1985, 185]:

- (10) Это произошло в те времена, когда на улицах городов не было освещения. Как-то ночью мэр столкнулся с горожанином. Тогда мэр отдал приказ, чтобы никто не выходил ночью на улицу без фонаря. Следующей ночью мэр опять столкнулся с тем же горожанином.
- Вы не читали моего приказа? – спросил мэр сердито.
 - Читал, – ответил горожанин. – Вот мой фонарь.
 - Но в фонаре у вас нет ничего.
 - В приказе об этом не упоминалось.
- Наутро появился новый приказ, обязывающий вставлять свечу в фонарь при выходе ночью на улицу. Вечером мэр опять налетел на того же горожанина.
- Где фонарь?! – закричал мэр.
 - Вот он.
 - Но в нем нет свечи!
 - Нет, есть. Вот она.
 - Но она не зажжена!
 - В приказе ничего не сказано о том, что надо зажигать свечу.
- И мэру пришлось издать еще один приказ, обязывающий граждан зажигать свечи в фонарях при выходе ночью на улицу.

Этот пример показывает, что недосказанность, оправданная в разговорной речи, недопустима в текстах официальной коммуникации [см. подробнее об этом: Hickey 1993, 579].

Другой пример касается сформулированного Грайсом требования, связанного с категорией качества: «Не говори того, что ты считаешь ложным». Это требование также оказывается несущественным во многих ситуациях бытового общения, когда коммуникативным партнерам важнее поддержание контакта или следование принципу вежливости. Так, британский историк Энтони Бивор на страницах польского еженедельника „Tygodnik Powszechny” (10 III 2013) приводит следующий факт: при изучении военной истории ученые в большей степени доверяют дневникам, которые писались «для себя», чем письмам с фронта, которые адресовались близким. Авторы писем зачастую приукрашивали действительность, избегая сведений, которые могли бы растревожить семью. Бивор также заметил, что дневники женщин более искренни и правдивы, чем дневники мужчин.

Тем самым можно констатировать, что каждый функциональный стиль и каждый подстиль включает определенную конфигурацию правил коммуникативного кодекса.

Прагмастилистика имеет также межкультурный аспект. Прагматические характеристики речевого поведения различаются в разных этнических культурах, тем самым они являются предметом контрастивной этнопрагматики [Goddard 2021]. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1999] пишет об этнокультурных различиях в области речевых актов: во-первых, существуют речевые акты (как, например, благодарение), которые представлены в одних языковых сообществах, но не представлены в других; во вторых, различается содержание речевых актов (например, благодарение в английской и японской языковой среде); в-третьих, различается регулярность реализации речевых актов. В качестве примера можно привести фрагмент из книги Н.И. Формановской [1987, 25]:

- (11) В трамвай вошла группа молодых людей, почти подростков. Они были шумны, немного даже беспардонны, излишне громко смеялись. Пожилой человек сделал одному из них замечание в категоричной и властной форме. Юноша, что называется, «огрызнулся». И вот что последовало от «воспитателя»:
– Ах ты, сопляк! Мерзавец! Я тебя научу, как себя вести!
Глубоко заблуждение «учителя» – научить себя вести подобным способом нельзя!

Автор книги обращает внимание на неправильную, чересчур резкую форму выражения, в которой пожилой человек сделал свое замечание. Однако в странах Центральной и Западной Европы замечания, адресованные в публичном месте незнакомцу, являются неприемлемыми как таковые, независимо от их формы. На эту прагматическую особенность речевого поведения русских обратил внимание И.А. Стернин [2004, 33 и др.], который указывает на такие характеристики русской коммуникативной культуры (в рамках разговорно-обиходного стиля), как коммуникативный демократизм, стремление к неформальному общению, допустимость грубости, возможность модификации поведения собеседника, оценочность и др. Особенности русской и немецкой коммуникативной культуры с точки зрения реализации речевых актов исследованы в монографии: Гладров/Которова 2021.

Заключение

Интеграция прагматики и стилистики полезна для каждой из этих дисциплин. В прагмалингвистических исследованиях усиливается функциональный компонент – за счет привлечения проблематики, связанной с условиями реализации речевых актов. Прагмалингвистическая проблематика вписывается в коммуникативную культуру как систему речевого поведения, которое и по своему содержанию, и по своим формам адаптировано к разным сферам человеческой деятельности и соответ-

ствующим потребностям социальных групп и индивидов. Расширяется также представление о плане выражения иллокутивной функции сообщения – благодаря вовлечению большой группы несобственных средств, а именно – стилистически маркированных языковых форм, которые дополнительно указывают на коммуникативную интенцию говорящего.

Для стилистики такая интеграция означает расширение категории стиля, которая – в новом представлении – охватывает не только закрепленные за определенной сферой деятельности языковые формы (как предмет традиционной элокутивной стилистики), но и типы речевых действий, а также контекстно обусловленные принципы речевого поведения (так называемые коммуникативные кодексы).

Понятийно-теоретический аппарат прагматистики нуждается еще в уточнении, однако с уверенностью можно утверждать, что эта новая область лингвистических исследований имеет большие перспективы.

Библиография

- Bennet Gregory A. 2018. *Conversational Style: Beyond the Nuts and Bolts of Conversation*. In: *Studies in Conversational UX Design*. Eds. Moore R.J., Szymanski V.H., Arar R. et al. Cham: Springer: 161-180.
- Black Elisabeth. 2006. *Pragmatic Stylistics*. Edinburg: Edinburgh University Press.
- Clark Herbert G., Carlson Thomas B. 1986. *Slušaâšie i reâevoj akt*. V: *Novoe v zarubežnoj lingvistike*. XVII: *Teoriâ reâevyh aktov*. Red. Gorodeckij B.Û. Moskva: Progress: 270-321 [Кларк Герберт Г., Карлсон Томас Б. 1986. *Слушающие и речевой акт*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. XVII: *Теория речевых актов*. Ред. Городецкий Б.Ю. Москва: Прогресс: 270-321].
- Ëvgrafova Alla O. 2009. *St'ob âk movna praktika suâasnogo deideologizovanogo suspil'stva*. «Filologični traktati» No 1: 42-50 [Ëвграфова Алла О. 2009. *Стьоб як мовна практика сучасного деідеологізованого суспільства*. «Філологічні трактати» № 1: 42-50].
- Feng Zongsin. 2002. *The Pragmastylistics of Dramatic Texts: The Play off the Stage*. Tsinghua: Tsinghua University.
- Fix Ulla. 2007. *Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen: Beiträge zur Stilistik*. Berlin: Frank & Timme.
- Formanovskaâ Natal'â I. 1987. *Vy skazali: «Zdravstvujte!» Reâevoj êtiket vnašem obšenii*. Moskva: Znanie [Формановская Наталья И. 1987. *Вы сказали: «Здравствуйте!» Речевой этикет в нашем общении*. Москва: Знание].
- Gladrow Wolfgang, Kotorova Elizaveta. 2021. *Modeli reâevogo povedeniâ v nemeckej i russkoj komunikativnoj kul'ture*. Moskva: Gnozis [Гладров Вольфганг, Которова Елизавета. 2021. *Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре*. Москва: Гнозис].
- Goddard Cliff (ed.). 2021. *Minimal Languages in Action*. Cham: Springer International Publishing.
- Grice Herbert Paul. 1975. *Logic and conversation*. In: *Syntax and semantics*. III. Eds. Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press: 41-58.

- Hall Genae A. 1992. *Aspects of conversational style – linguistic versus behavioral analysis*. “The Analysis of Verbal Behavior” No. 10.; 81-86.
- Hickey Leo. 1993. *Stylistics, Pragmatics, and Pragmastylistics*. “Revue Belge De Philologie Et D’histoire” No. 71(3): 573-586.
- Hockett Charles F. 1958. *A Course in Modern Linguistics*. New York: Macmillan.
- Kiklewicz Aleksander. 2020. *Fenomeny komunikacji (normy i dewiacje w zachowaniach językowych)*. Olsztyn: CBEW.
- Kostrova Ol’ga A., Antonova Anna V. 2004. *Prmissivnyj tekstotip kak pragmastiliščeskij fenomen (na materiale anglijskogo ŗzyka)*. «Vestnik OGU» No 11: 137-142 [Кострова Ольга А., Антонова Анна В. 2004. *Промиссивный текстотип как прагмастилистический феномен (на материале английского языка)*. «Вестник ОГУ» № 11: 137-143.].
- Kořin Aleksandr N., Krylova Ol’ga V., Odincov Viktor V. 1982. *Funkcional’nye tipy russkoj reči*. Moskva: Vyssšaŗ škola [Кожин Александр Н., Крылова Ольга В., Одинцов Виктор В. 1982. *Функциональные типы русской речи*. Москва: Высшая школа].
- Lakoff Robin. 1973. *The logic of politeness; or minding your p’s and q’s*. “CLS” No. 9: 292-305.
- Leech Geoffrey. 1983. *Pragmatics*. London: Longman.
- Maksimenko Ekaterina V. 2015. *Pragmastilističeskie osobennosti tekstov naučno-tehničeskoj reklamy*. «Naučnye trudy Kubgtu» No 6: 1-16 [Максименко Екатерина В. 2015. *Прагмастилистические особенности текстов научно-технической рекламы*. «Научные труды КубГТУ» № 6: 1-16].
- Merlan Francesca. 2006. *Taboo: Verbal Practices*. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Brown K. Amsterdam: Elsevier: 462-466.
- Mey Jacob L. 2001. *Literary Pragmatics*. In: *The handbook of discourse analysis*. Eds. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. London: Blackwell: 787-797.
- Mkrtyčan Svetlana V. 2012. *Pragmatika stilističeskogo vybora rečevykh taktik avtoritarnogo komunikativnogo stilŗ*. «Vestnik VGU. Seria: Lingvistika i meřkul’turnaŗ kommunikaciŗ» No 1: 122-128 [Мкртычан Светлана В. 2012. *Прагматика стилистического выбора речевых тактик авторитарного коммуникативного стиля*. «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» № 1: 122-128.].
- Mučnik Benjamin S. 1985. *Čelovek i tekst. Osnovy kul’tury pis’mennoj reči*. Moskva: Kniga. [Мучник Бениамин С. 1985. *Человек и текст. Основы культуры письменной речи*. Москва: Книга].
- Nordenstam Kerstin. 1992. *Male and female conversational style*. “International Journal of Sociology of Language” Vol. 94: 75-98.
- Norman Boris Ű. 1987. *Űzyk: znakomyj neznakomec*. Minsk: Vyšejšaŗ škola [Норман Борис Ю. 1987. *Язык: знакомый незнакомец*. Минск: Вышэйшая школа].
- Nosovec Svetlana G. 2018. *Redakcionnyj kommentarij kak ėlement novostnogo teksta SMI vsocial’nyh setŗh: pragmastilističeskie osobennosti (na materiale publikov SMI v «V Kontakte»)*. «Mediascope» No 2. V: <http://www.mediascope.ru/2441> [Носовец Светлана Г. 2018. *Редакционный комментарий как элемент новостного текста СМИ в социальных сетях: прагмастилистические особенности (на материале публикаций СМИ в «В Контакте»)*. «Медиаскоп» № 2. В: <http://www.mediascope.ru/2441>].
- Pearson Judy C. 1985. *Gender and Communication*. Dubuque: Wm. C. Brown.
- Petrey Sandy. 1990. *Speech Acts and Literary Theory*. London: Routledge.
- Pihtovnikova Lidiŗ S. 2016. *Pragmastilistika diskursa v svete lingvosinergetičeskoj paradigmaty*. «Kogniciŗ, kommunikaciŗ, diskurs» No 13: 114-130 [Пихтовникова

- Лидия С. 2016. *Прагматилистика дискурса в свете лингвосинергетической парадигмы*. «Когниция, коммуникация, дискурс» № 13: 114-130].
- Pilkington Adrian. 2000. *Literary Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Pratt Mary Luise. 1977. *Toward a Speech Act Theory of Literary Discourse*. Bloomington: Indiana University Press.
- Rakovskaâ Nina. 2018. *Odessa v tvorčeskoj sud'be Aleksandra Ivanoviča Kuprina. V: Odessa i Morze Czarne jako przestrzeń literacka*. Red. Ławski J., Maliutina N. Białystok – Odessa: 81-93 [Раковская Нина. 2018. *Одесса в творческой судьбе Александра Ивановича Куприна. В: Odessa i Morze Czarne jako przestrzeń literacka*. Red. Ławski J., Maliutina N. Białystok – Odessa: 81-93].
- Schwitalla Johannes. 1979. *Dialogsteuerung in Interviews: Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischen Untersuchungen von Politiker-, Experten- und Starinterviews in Rundfunk und Fernsehen*. München: Hueber.
- Šerbakova Mariâ V. 2013. *Vliânie funkcional'nogo stilâ na vospriâtie struktury teksta kak samoorganizujušesjâ sistemy*. «Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2» No 4(22): 212-215 [Щербакова Мария В. 2013. *Влияние функционального стиля на восприятие структуры текста как самоорганизующейся системы*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2» № 4(22): 212-215].
- Sternin Iosif A. 2004. *Osnovnye osobennosti russkoj komunikativnoj kultury. V: Człowiek – świadomość – komunikacja – Internet*. Red. Szypielewicz L. Warszawa: Instytut Rusycystyki UW: 32-55 [Стернин Иосиф А. 2004. *Основные особенности русской коммуникативной культуры*. В: *Człowiek – świadomość – komunikacja – Internet*. Red. Szypielewicz L. Warszawa: Instytut Rusycystyki UW: 32-55].
- Tannen Deborah. 1984. *Conversational style. Analyzing Talk among Friends*. Norwood: Ablex Publishing Corporation.
- Tannen Deborah. 1990. *Gender differences in conversational coherence: Physical alignment and topical cohesion*. In: *Conversational organization and its development*. Ed. Dorval B. Norwood: Ablex Publishing: 167-206.
- Voejkova Anna A. 2016. *Stylističeskaâ pragmatika angloâzyčnych reklamnyh tekstov (na primere direktivnyh rečevykh aktov)*. «Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki» No 10(64/1): 45-48 [Воейкова Анна А. 2016. *Стилистическая прагматика англоязычных рекламных текстов (на примере директивных речевых актов)*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики». № 10(64/1): 45-48].
- Wasilewski Jacek. 2006. *Retoryka dominacji*. Warszawa: Trio.
- Wierzbicka Anna. 1996. *Język – umysł – kultura*. Warszawa: PWN.

